

счастливымъ...» Этотъ же самый «наивный» Пьеръ вывелъ его, какъ онъ самъ говоритъ, на свѣжій воздухъ, когда со-вѣтывалъ ему: «милый другъ, я васъ прошу, вы не ум-ствуйте,— женитесь и женитесь... И я увѣренъ, что счаст-ливѣй васъ не будетъ человѣка...»— Но эгоистическая цѣли успѣха, честолюбія, славы и ума, которыхъ кн. Андрей жилъ одной лишь половиной своей натуры, именно—полови-ной эстетической. Для нашей цѣли не представлялъ бы значенія и интереса этотъ новой герой самого круинаго художественного произведенія гр. Толстою, если бы мы и въ немъ не съумѣли отыскать задатковъ той же двойственности внѣденныхъ въ его душу началь, если бы, при всемъ сво-емъ исключительномъ служеніи одному богу, непродолжала паралельно въ немъ жить, въ скрытомъ видѣ, прирожденная ему сторона его натуры, которая иѣть-иѣть да и проснет-ся, заявить о своемъ существованіи.. Такъ, послѣ Аустер-лица, когда раненный онъ лежалъ на Аустерлицкомъ полѣ и увидалъ «высокое, вѣчное небо» «что-то давно заснувшее», что-то лучшее, что было въ немъ съ дѣтства, ра-достно проснулось въ немъ,—и онъ хотѣлъ бы опять жить, но чтобы жить уже иначе; такъ, какъ онъ понималъ теперь жизнь...» Чувство это исчезло, какъ только кн. Андрей вступилъ опять въ привычныя условія жизни, но онъ зналъ, «что это чѣвство, которое онъ не умѣлъ развить, жило въ немъ. Свиданіе съ Пьеромъ было для князя Андрея эпохой, съ которой началась хотя во внѣшности и также самая, но во внутреннемъ мірѣ его—новая жизнь...»

Раненный опять уже при Бородинѣ, лежа въ палатѣ, кн. Андрей опять спрашивается себя: «отчего мнѣ такъ жалко разставаться съ жизнью? Что-то было въ этой жиз-ни, чего я не понималъ... Всѣ лучшія, счастливѣйшія ми-